

ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР

DOI 10.37386/2305-4077-2022-4-150-156

О.И. Акифи¹

*Белгородский государственный технологический университет им.
В.Г. Шухова*

УНИКАЛЬНОСТЬ ТРАКТОВКИ СЛАВЯНСКИХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ТВОРЧЕСТВЕ А.Ф. ВЕЛЬТМАНА

Статья посвящена исследованию уникальных черт традиционных славянских мифологических образов в романах А.Ф. Вельтмана – Кошей Бессмертный, русалка Вила и Мокошь. Статья посвящена исследованию уникальных черт традиционных славянских мифологических образов в романах А.Ф. Вельтмана. Сочетание историзма и мифологии в рассматриваемых произведениях позволяют говорить об энциклопедизме произведений, а также становлении психологизма в русской литературе, о начале формирования русского фэнтези и фантастики. В данной статье рассматриваются три известных славянских образа в уникальной трактовке: Кошей Бессмертный, русалка Вила и Мокошь.

Ключевые слова: славянская мифология, Вельтман, Кошей Бессмертный, Мокошь, русская фантастика, народная демонология, мифологический историзм, славянская русалка

O.I. Akifi

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov

UNIQUENESS OF THE INTERPRETATION OF SLAVIC MYTHOLOGICAL IMAGES IN THE WORK OF A.F. VELTMAN

The article is devoted to the study of the unique features of traditional Slavic mythological images in the novels of A.F. Veltman. The combination of historicism and mythology in the works under consideration allows us to talk about the encyclopedism of works, as well as the formation of psychologism in Russian literature, about the beginning of the formation of Russian fantasy and fiction. This article considers three famous Slavic images in a unique interpretation: Koschey Immortal, mermaid Vila and Mokosh.

Key words: Slavic mythology, Veltman, Koschey Immortal, Mokosh, Russian fiction, folk demonology, mythological historicism, Slavic mermaid

В 20-30-х годах XIX века в русском обществе широкое распространение получают светские повести с элементом народной фантастики, о чем свидетельствует запись А.П. Керн: «Сказки в нашем кружке были в моде, потому что мно-

¹ Олеся Игоревна Акифи – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Белгородского государственного технологического университета им.В.Г. Шухова (Белгород), e-mail: mrs.olesiakifi@mail.ru.

гие из нас верили в чудесное, в привидения и любили все сверхъестественное. Среди таких бесед многие из тогдашних писателей читали свои произведения» [Керн, 1987, с. 60]. Для эпохи романтизма характерны сказочность и мистификация, отсюда в литературе активно функционирует наиболее типичный из признаков романтизма – двоемирие.

Особый интерес своей самобытностью как в сюжетном, так и в жанровом воплощении, представляет творчество А.Ф. Вельтмана, незаслуженно забытого русского автора, стоявшего у истоков настоящей русской литературной фантастики². Славянская мифология в его творчестве, осмысленная и явленная в жанре фантастики, отличалась уникальным авторским видением известных персонажей. Эта уникальность подчеркивалась автором даже в именовании известных представителей народной демонологии.

В романе «Кощей Бессмертный. Былина старого времени» (1833) имя Кощея Бессмертного, написанное через букву «о», шло вразрез с хрестоматийным использованием имени этого героя³. Вельтман как автор очень скуппулезен: вариант такого написания имени выбран им осознанно. Создав авторскую легенду о происхождении данного персонажа, автор приближает этого героя к когда-то реально существовавшему человеку, и человеку совсем не случайному. Известно, что Кашей – мифологический персонаж, а Кощей соотносится с представлением о дряхлом, костлявом старце, старом и жадном человеке [Аникин, 2009; Мелетинский, 1976].

Современные исследования говорят о том, что Кощей – это фольклорный хранитель старого мира и исполнитель ритуалов отживающего миропорядка [Жучкова, 2015]. Е.А. Балашова обратила внимание на то, что в народном фольклоре у него нет родословной: «Вельтман как бы дополняет традиционный набор фольклорных сюжетов *своим* рассказом о появлении Кощея» [Балашова, 2005, с. 8]⁴.

История Кощея в романе «Кощей Бессмертный. Былина старого времени» в общей сюжетной структуре стоит особняком – это вставная фантастическая повесть о человеке с диссоциативным расстройством идентичности. Кощей в трактовке Вельтмана – яркий пример «внутреннего двоемирия» персонажа: во вставной повести романа Кощей-Кый постепенно обретает черты, которыми он традиционно наделен в народных сказках.

Двойное именование персонажей – прием, многократно встречающийся в творчестве Вельтмана. В рассматриваемом произведении этот прием несколько усложняет идентификацию образа: исторический или фольклорный? Созданная именованием персонажа путаница не позволяет однозначно соотнести его ни со сказочным Кошеем Бессмертным, ни с легендарным основателем Киева – Кием.

² Литературную фантастику зачастую путают со сказками, фэнтези или вообще с мифологией.

³ См., например, в поэме А. Пушкина «Руслан и Людмила», где упоминается царь Кашей.

⁴ Курсив наш. – О.А.

В трактовке Вельмана этот герой является человеком, облеченным властью, но находящимся в конфликте с собой. Активное перемещение в романтическом междумирии подчеркивает развивающееся диссоциативное расстройство личности персонажа и объясняет поведение известного персонажа славянской демонологии.

Расстройство личности обнаруживают и поступки персонажа. По сюжету Кощей похищает младенца в доме рыбака. Похищение – типичное действие фольклорного Кощея, причем традиционно маскулинность данного персонажа подчеркнута похищением молодых девушек. В трактовке Вельмана это действие должно проявить не мужественность персонажа, а его принадлежность к ирреальному миру – миру божеств. Здесь важно место действия – дом рыбака, что актуализирует связь с водой. По одной из мифологических версий, Кощей является воплощением Чернобога, правителя мира Нави, в котором протекает река забвения. В сказках смерть Кощея находится в утке – птице, которая умеет плавать; в сказках повторяется мотив утопления яйца с иглой в волнах различных водоемов. Таким образом, Кощей Вельмана – один из божеств славянского пантеона.

В романной повести можно найти и былинные черты: мотив трех братьев, которые разошлись на перепутье. Один из братьев проклинает Кощея-Кыя – так Вельман привносит в сюжет элемент демонологии, заговора, доступного волхвам и знахарям. Жадность – человеческая черта – приводит Кощея к похищению младенца и попытке его погубить. В произведении традиционное для сказки противостояние двух сил: младенец как воплощение добродетели, выброшенный Кощеем-Кыем, олицетворяющим порочность, в снег, принят самой природой и спасен ею. Чудесное спасение – в подслушанном Кощеем разговоре: «Болоньем ехали сегодня, раным-рано, купцы; едут, а подле дороги сидит младенец, как заря румян; кругом снег, а под ним на проталинке зеленая травка, а теплынь, словно в печурке...» [Вельман, 1985, с. 214]⁵ После этого подслушанного разговора происходит своеобразный переход из мира реального в ирреальный, из «исторической» действительности в мир русских сказок – все считают Кощея умершим.

Таким образом, уникальность образа Кощея Бессмертного в романе А. Вельмана в том, что он моделируется компиляцией исторического, мифологического, фольклорного (в том числе и былинного) образов. Кощей приобретает собственную историю рождения, у него семья, обозначены причины, которые привели его к диссоциативному расстройству личности. Уникальность образа состоит в том, что в нем узнаваем обычный человек, стоящий перед выбором пути, который может обрести качества Кощея в силу неблагоприятных факторов⁶.

В романе присутствуют и другие персонажи славянской демонологии; например, русалка.

⁵ Далее текст романа цитируется по этому изданию. Номер страницы указывается в круглых скобках после цитаты.

⁶ Вельман осознанно выбирает прототипом именно основателя Киева, человека, облеченного административной властью.

К «русалочьей» теме автор обращался и ранее: так, С. Долгов указывает на работу Вельтмана над окончанием «Русалки» А.С. Пушкина. Эти существа, по замыслу А.Ф. Вельтмана, были способны на искренние и нежные чувства [Долгов, 1897], что отличает их от традиционных русалок – холодных и коварных.

Во вставной повести о пастухе Мине, где появляется русалка, – двоимире: в мире реальном живут с «думкой», а в мире сказочном – с «сердцем». Пастух, окруженный прекрасной природой, не замечает ее, потому как озабочен жизненными обстоятельствами. Днепровская Вила, несмотря на неразделенную любовь к пастуху, умеет радоваться окружающему миру, находя прекрасное даже в мимолетном, в отличие от пастуха: «Небо для него то же, что потолок избы, в которой проводит в глубоком сне ночь. Солнце для него то же, что паровая лучина, освещающая его скудный ужин. На луну он смотрит, как на ясную лысину сельского Тиуна. А на звездное небо он никогда не смотрит, потому что с заходом солнца кончаются его ежедневные жизненные заботы...» (с. 101–102). Однако миры соприкасаются.

Образ пастуха раскрывается через игру на музыкальных инструментах. Играя на своем рожке, он становится открытым для обоих миров. Днепровская Вила любит эти мелодии, радуясь тому, что ее любимый наделен таким прекрасным даром. Скорее всего, именно это и разбудило в ней чувство любви к земному человеку. Кажется, что и пастух преображается, но автор приводит текст той песни, которую он поет, и песня эта вполне земная – о пастушьем труде. Можно предположить, что контраст высокой роли музыки и приземленного слова подчеркивает необходимость стремления человека к самосовершенствованию.

Полярен Мине образ прекрасной русалки-Вилы, которая наслаждается музыкой простого пастушьего рожка. Специфика трактовки образа русалки проявляется в том, что она оказывается беспомощной в своем влиянии на мир. Русалка-Вила Вельтмана приближена к образу русалочки Г.Х. Андерсена.

Еще одна специфическая черта русалки Вельтмана – неумение петь и играть на музыкальном инструменте, тогда как традиционно русалки связаны с музыкой: песнями заманивали молодых людей и детей в омут [Фирсова, 2009]. Русалка Вельтмана не внушает ни страха, ни ужаса – чувств, которые обычно овладевают человеком при встрече с русалкой [Голубкова, 2016; Гранова, 2020]. Пастух в романе Вельтмана или совершенно не замечает Днепровскую Вилу, или чаще играет на рожке, когда она оказывается рядом.

У Вельтмана образ русалки неразрывен с образом пастуха: традиционная трактовка бездушности речных жительниц славянского бестиария перечеркнута бездушностью представителя мира реального. У Вельтмана особый тип двоимиря: здесь как бы перепутаны персонажи из разных миров, объединенные музыкой. Творчество, нравственность и эмпатия могут сделать человека счастливым. Вельтман демонстрирует несовершенство любого из миров, где отсутствует это.

Следует отметить, что именно Вельтман начал исследование персонажей как социально-психологических типов (А. Вельтман уделяет внимание станов-

лению любого, даже второстепенного или фольклорно-мифологического персонажа, выясняет нравственно-психологические причины тех или иных поступков, при этом считая социальное влияние вторичным), и именно эта особенность делает персонажей, в том числе из народной демонологии, особенными.

Яга, Мокош и их сыновья, хотя не принимают прямого участия в описываемых действиях, однако важны для раскрытия специфики двоемира в романе «Кощей Бессмертный. Былина старого времени». В славянской мифологии есть женское божество – Мокошь (или иногда Макошь). Гораздо реже этот персонаж, как, видимо, и персонаж у Вельтмана, олицетворяет другую свою ипостась – воплощение Велеса⁷. Вельтман указывает на Мокош как воплощение Велеса: известен миф о браке Яги и Велеса как равных по силе и мудрости [см.: Вельтман, 1985], опираясь на малоизвестную и спорную трактовку, с целью очеловечивания персонажей народной демонологии.

В другом романе А. Вельтмана «Светославич, вражий питомец. Диво времен Красного Солнца Владимира» (1835) Мокош изображен просто дедушкой, который спас сына Князя. События данного произведения происходят в трех мирах: реальном и двух, дополняющих друг друга, потусторонних.

Роман «Светославич, вражий питомец» написан позже, чем «Кощей Бессмертный», и образ Мокоша в нем объемнее. В образе дедушки Мокоша угадываются черты славянского бога Велеса, заботящегося о животных, в то же время он обладает чертами обычного человека⁸. Уникальная трактовка образа Мокоши-Мокоша демонстрирует особенность авторского отношения к миру и к истории: Вельтман во всем видит двойничество, отсюда и множество двойных имен. Особенность фантастики А. Вельтмана состоит именно в том, чтобы в обыденном найти необычное, рассмотреть двойника любого исторического персонажа в его мифологическом контексте, оставить читателю самому решить, где поступок реально исторического персонажа, а где его фольклорно-мифологического двойника.

В период 1820–х – 1840–х годов в русской философской мысли появляется стремление создать универсальную картину мира: синтетичную, объединяющую разные области знаний. Потребность передать научные знания в художественной форме некоторыми исследователями рассматривается как «энциклопедичность повествования» [Грачева, 2014, с. 128]. С этим нельзя не согласиться.

Таким образом, можно отметить следующие уникальные особенности трактовки славянских мифологических образов в творчестве А.Ф. Вельтмана: двойничество образа, сочетающее традиционно фольклорное и историческое,

⁷ Исследователь Суroveгина, хотя и говорит в своем исследовании о возможном сближении Мокоши и Велеса (слово «мокошь» происходит от слова «могущество» [Суroveгина, 2016], однако не считает эту версию правдоподобной [Суroveгина, 2016; Осинская, 2015]).

⁸ Такое соединение черт в одном персонаже символизирует переход Руси от язычества к христианству. В активном вмешательстве в исторические события со стороны фольклорно-мифологических персонажей, писатель видит то, что русский фольклор является важной частью формирования национального самосознания.

двойное именование или видоизмененное традиционное имя, сходство с реальным человеком, энциклопедичность повествования и открытый диалог с читателем. Все это позволяет взглянуть на традиционное под новым углом, рассмотреть законы мироздания с разных сторон, признав его многомерность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникин, В.П. Русское устное народное творчество / В.П. Аникин. – Москва: Высшая школа, 2009. – 736 с.

Балашова, Е.А. А.Ф. Вельтман: феномен барочного резонанса / Е.А. Балашова // Русская речь. 2005. – № 4. – С. 3–10.

Вельтман, А.Ф. Романы. Сост., вступ. статья В.И. Калугина; Послесл. и коммент. А.П. Богданова / А.Ф. Вельтман. – Москва: Современник, 1985. – 524 с.

Голубкова, О.В. Русалка в народных верованиях восточных славян Западной Сибири (перспективы картографирования локальных аспектов образа) / О.В. Голубкова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2016. – №2. – С. 144–152.

Гранова, М.А. Представление о внешнем облике русалки в мифологической традиции русских Пермского края / М.А. Гранова // Социо- и психолингвистические исследования. – 2020. – №8. – С. 161–167.

Грачева, А.А. А.Ф. Вельтман и В.Ф. Одоевский как писатели-«энциклопедисты» / А.А. Грачева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2014. – №2-2. – С. 125–129.

Долгов, С.О. А.Ф. Вельтман и его план окончания «Русалки»: Доклад, чит. в О-ве любителей рос. словесности при Моск. ун-те, в очередном заседании 27 марта / С.О. Долгов. – Москва: Унив. тип., 1897. – 16 с.

Жучкова, А.В. Функциональное значение образа Кощея Бессмертного и его отражение в русских волшебных сказках / А.В. Жучкова, К.Н. Галай // Вестник славянских культур. – 2015. – №3. – С. 165–175.

Керн, А.П. Воспоминания о Пушкине. Сост., вступ. ст., с. 5–32, и примеч. А.М. Гордина / А.П. Керн (Маркова-Виноградская). – Москва: Советская Россия, 1987. – 414 с.

Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. – Москва: Наука, 1976. – 407 с.

Осиновская, И. Поэтика сказки: пряжи и башмачники / И. Осиновская // Вестник культурологи. – 2015. – С. 188–215.

Суругина, Е.С. К Проблеме функционала бога Велеса / Е.С. Суругина // Социосфера. – 2016. – № 1. – С. 20–23.

Фирсова, Т.Г. «Днепровские русалки» А.А. Фета: литературные и фольклорные источники (к вопросу о фетовском фольклоризме) / Т.Г.Фирсова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: филология, журналистика. – 2009. – №3. – С. 47–55.

REFERENCES

- Anikin, V.P.** Russkoe ustnoe narodnoe tvorcestvo / V.P. Anikin. – Moskva: Vysshaya shkola, 2009. – 736 s.
- Balashova, E.A.** A.F. Vel'tman: fenomen barochnogo rezonansa / E.A. Balashova // Russkaya rech'. – 2005. – № 4. – S. 3–10.
- Firsova, T.G.** «Dneprovskie rusalki» A.A. Feta: literaturnye i fol'klornye istochniki (k voprosu o fetovskom fol'klorizme) / T.G. Firsova // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: filologiya, zhurnalistika. – 2009. – №3. – S. 47–55.
- Golubkova, O.V.** Rusalka v narodnyh verovaniyah vostochnyh slavyan Zapadnoj Sibiri (perspektivy kartografirovaniya lokal'nyh aspektov obraza) / O.V. Golubkova // Vestnik arheologii, antropologii i etnografii. – 2016. – №2. – S. 144–152.
- Gracheva, A.A.** A.F. Vel'tman i V.F. Odoevskij kak pisateli-«enciklopedisty» / A.A. Gracheva // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. – 2014. – №2-2. – S. 125–129.
- Granova, M.A.** Predstavlenie o vneshnem oblike rusalki v mifologicheskoy tradicii russkih Permskogo kraja / M.A. Granova // Socio- i psiholingvosticheskie issledovaniya. – 2020. – №8. – S. 161–167.
- Dolgov, S.O.** A.F. Vel'tman i ego plan okonchaniya «Rusalki»: Doklad, chit. v O-ve lyubitelej ros. slovesnosti pri Mosk. un-te, v ocherednom zasedanii 27 marta / S.O. Dolgov. – Moskva: Univ. tip., 1897. – 16 s.
- Kern, A.P.** Vospominaniya o Pushkine. Sost., vstup. st., s. 5-32, i primech. A.M. Gordina / A.P. Kern (Markova-Vinogradskaya). – Moskva: Sovetskaya Rossiya, 1987. – 414 s.
- Meletinskij, E.M.** Poetika mifa / E.M. Meletinskij. – Moskva: Nauka, 1976. – 407 s.
- Osinovskaya, I.** Poetika skazki: pryahi i bashmachniki / I. Osinovskaya // Vestnik kul'turologi. – 2015. – S. 188–215.
- Surovegina, E.S.** K Probleme funkcionala boga Velesa / E.S. Surovegina // Sociosfera. – 2016. – № 1. – S. 20–23.
- Vel'tman, A.F.** Romany. Sost., vstup. stat'ya V.I. Kalugina; Poslesl. i komment. A.P. Bogdanova / A.F. Vel'tman. – Moskva: Sovremennik, 1985. – 524 s.
- Zhuchkova, A.V.** Funkcional'noe znachenie obraza Koshcheya Bessmertnogo i ego otrazhenie v russkih volshebnyh skazkah / A.V. Zhuchkova, K.N. Galaj // Vestnik slavyanskikh kul'tur. – 2015. – №3. – S. 165–175.